

ЛИТЕРАТУРНАЯ ГАЗЕТА

ОРГАН ПРАВЛЕНИЯ
СОЮЗА ПИСАТЕЛЕЙ СССР

№ 152 (3653)

Суббота, 22 декабря 1956 г.

Цена 40 коп.

Завтра—последний день литературной части декады

на вечер П. Антокольский горячо приветствовал гостей — представителей яркой самобытной эстонской культуры. В. Бекман в кратком вступительном слове указал, что участники декады привезли в Москву все то лучшее, что создано литераторами республики за последние годы, дал краткую характеристику эстонской поэзии. На этом вечере поэты, переводчики, а также артисты московских театров читали стихи.

сейчас особенно важно создавать высокохудожественные произведения, полные большой жизненной правды. Необходимо проявлять непримиримость к лжи, к ложности, к штампам. В заключение он пожелал участникам декады новых творческих достижений.

рехта «Свет в Координатах» и «Капитаны». В дружеской беседе высказали свои впечатления слесарь-инструментальщик Г. Медведов, мастер В. Кулагина, инженер-технолог А. Тимофеев и другие. Г. Леберхт рассказал собравшимся о своих творческих планах и поделился впечатлениями о декаде.

В Доме культуры Первого подпольного завода состоялась читательская конференция по произведениям Г. Леберхта.

Завтра в Большом зале консерватории состоится закрытие литературной части декады.

На снимках: слева — участники женского хора профсоюз работников просвещения Айно Мойи, Эха Лехе, Салли Кутти. Справа: эстонские поэты — Я. Кросс, М. Несамас, Э. Нийт и Э. Хийр.

Фото А. Лапина

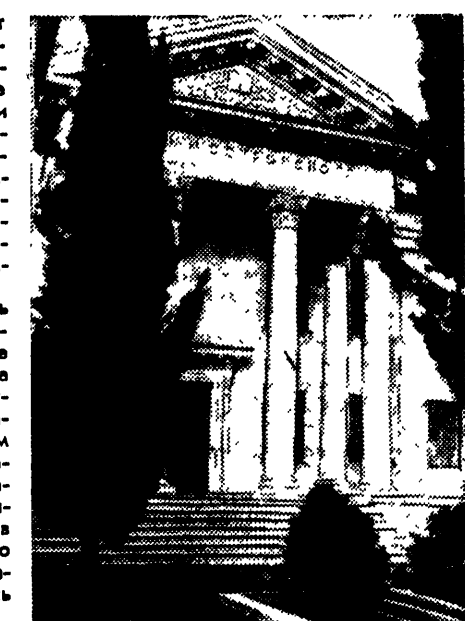
Имени Николая Островского

Советские люди чтут память писателя-патриота Н. А. Островского. 20-й годовщине со дня его смерти посвящаются литературные вечера, выставки на предприятиях, стройках, в колхозах, учебных заведениях, дворцах пионеров, воинских частях.

Огромную любовь и уважение завоевали звание к борбам за дело коммунизма книги Николая Островского. Они издавались в Советском Союзе почти четыреста раз общим тиражом около 11 миллионов экземпляров на 53 языках. Вышло 250 изданий романа «Как закалялась сталь».

Тысячи москвичей и приезжих из других городов страны, гостей из-за рубежа побывали в Музее-квартире Н. А. Островского в Москве, где писатель провел последние годы жизни.

Музей увеличивается почти вдвое. Восстанавливается квартира Н. Островского в ее прежнем виде. Кроме кабинета писателя, будет открыта столовая-гостиная, где 15 ноября 1936 года на выездном заседании президиума Союза советских писателей обсуждалась первая часть романа «Рожденные бурей».

Хороший подарок получили пионеры и школьники Сочи — на одной из тихих улиц, рядом с домиком, где жил Николай Островский, построено красивое здание для Государственного музея Н. Островского и детской городской библиотеки его имени. Духающий портретом писателя, в окружении строгих кипарисов. На здании надпись: «Музей Н. Островского»; выше — изображение раскрытой книги в обрамлении дубовых веток.

Первый этаж уже отдан в полное распоряжение сочинских детей — в просторных залах расположились городская библиотека.

В верхнем этаже четыре зала отведены для экспонатов музея: личные вещи писателя, книги, документы, фотографии... На снимке: новое здание Музея Н. Островского в Сочи.

Новые периодические издания

КИЕВ. (Наш корр.). С нового года увеличиваются тиражи и периодичность газет украинских писателей «Литературна газета»: она будет выходить теперь дважды в неделю. Создается несколько новых ежемесячных журналов. Так, будут издаваться научно-популярный журнал для юношества «Знание и труд», литературно-художественный и научно-методический журнал «Физкультура и спорт» и другие.

1 января 1957 года выйдет первый номер «Рабочей газеты», рассчитанной на массового читателя — рабочих, инженерно-технических работников, служащих всех отраслей промышленности. Эта газета будет выходить шесть раз в неделю на украинском и русском языках.

МИНСК. (Наш корр.). Газета белорусских писателей «Літаратура і мастацтва» с 1957 года вместо одного раза в неделю будет выходить дважды. Издающийся на русском языке альманах «Советская Отчизна» преобразован в литературно-художественный и общественно-политический журнал с той же периодичностью — шесть номеров в год.

Читатели сатирического журнала «Вождь» («Еж») в новом году получат библиотечку белорусской сатиры.

Обсуждение альманаха «Кубань»

КРАСНОДАР. (Наш корр.). «Что ждут читатели от кубанских писателей?» — так называлась состоявшаяся на днях читательская конференция.

Писатели П. Ишмаков, Н. Винников и А. Панферов охарактеризовали произведения, опубликованные в последнем номере литературного альманаха «Кубань», рассказали о творческих планах своих товарищей по перу, о новых книгах.

Многие читатели отметили, что последний номер альманаха выгодно отличается от предыдущих. В нем напечатаны интересные рассказы, появились рубрика «Очерки наших дней», удачно представлен отдел критики и библиографии. Однако в альманахе все еще встречаются слабые, недоработанные произведения, не находят отражения богатая театральная жизнь города, узок круг авторов. Читатели подробно разобрали отдельные произведения, напечатанные в альманахе, дали полезные советы их авторам.

В ИНДИЮ, НА КОНФЕРЕНЦИЮ ПИСАТЕЛЕЙ...

В Индию, для участия в конференции писателей стран Азии, выехала делегация советских писателей. В ее составе: Мирзо Турсун-заде (глава делегации), И. Абашин, Г. Мехти Гусейн, Сулейман, Г. Мустафин, Г. Севун, К. Сейтхалиев, К. Симонов, А. Софроньев, Т. Сыдыкбеков.

Конференция открывается 23 декабря в Дели.

Мария ЛОВАШ

ОТВЕТСТВЕННОСТЬ ВЕНГЕРСКИХ ПИСАТЕЛЕЙ

В этом письме я хотел бы коснуться лишь некоторых уроков, вытекающих из деятельности партийной оппозиции среди писателей. Ведь значительная часть писателей — членов партии играла большую роль в событиях в Венгрии, особенно в подготовке этих событий.

Следует сделать одно замечание относительно выражения «член партии» в Венгрии, население которой составляет 9,5 миллиона человек, было 900 тысяч членов Венгерской партии трудящихся, то есть почти на каждые десять человек приходился один член партии. Это, однако, не значит, что каждый из них являлся марксистом-ленинцем, коммунистом. Очень многие вступили в партию из эгоистических и корыстных побуждений. Так обстояло дело и у писателей: среди них было много членов партии, но не все они были настоящими коммунистами.

Центральный комитет Венгерской социалистической рабочей партии вынес решение, в котором дан анализ октябрьским событиям. Перечисляя причины, вызвавшие вооруженный мятеж, решение говорит:

«Большую роль в возникновении октябрьских событий и их трагическом повороте сыграла та, образовавшаяся в прошедшие годы и постоянно усиливавшаяся группа партийной оппозиции, которая вытесняла в качестве своего знамени Иштвана Гезу Домонди. Деятельность этой группы партийной оппозиции можно считать положительной до тех пор, пока ее борьба была направлена вместе со всей партийной оппозицией против политики клики Ракоши — Гера. Однако весной 1956 года в их деятельности наступил такой поворот, который в корне изменил характер их выступлений. Они неправильно выносили критику из партии на улицу, и в нее включались реакционные элементы. Таким образом эта критика была искажена и угрожала теперь уже не позициям клики Ракоши — Гера, а подрывала существующий авторитет партии, нападала на позиции и основы рабочего класса и венгерского народно-демократического строя. Эта группа партийной оппозиции, не выдвигавшей программы исправления ошибок, односторонне нападала только на партию, не отмежевываясь от реакции. Она обрела реакционные силы и в значительной мере способствовала взрыву контрреволюции».

На июньском собрании кружка Петефи наиболее резко выступали писатели. Тем более интересно узнать, какие же выводы сделали они из октябрьских событий. Ведь значительная часть писателей считает, что они совершили имевшие трагические последствия ошибки с благими намерениями.

Этот вопрос я задавал в несколько более конкретной форме одному из руководителей писательской оппозиции, известному драматургу Дьюле Хаю. В 11 часов дня 30 октября я сидел в одной из комнат четвертого этажа здания Будапештского городского комитета партии и звонил ему по телефону. Уже час, как матежники обстреливали здание из винтовок, ав-

томатов и пулеметов. С площади в мою комнату залетали пули и били в стену на высоте человеческого роста. Сидя на полу, можно было еще звонить по телефону.

— Что ты скажешь, тов. Хай, по поводу того, что ведется обстрел здания горкома? — спросил я у писателя.

— ???

— Слышишь выстрелы?

— Да, я слышу.

— Это нападение — результат той борьбы, которую вы, писатели, готовили идеологически.

— Нет, — слышу я из трубки металлический голос Хаю, — вооруженное нападение на горком я не одобряю. Мы не этого хотели.

Две недели спустя в больнице на улице Шандора Петефи врач-коммунист Добо вдруг заметил, что у одного раненого студента в глазах заблестели слезы.

— Вы уже выздоравливаете... Скоро будете дома. Почему же вы плачете? — спрашивает врач.

— Вы видите?

Студент показал на дверь, за которой скрывались два подозрительных типа, с распухшими от алкоголя лицами, в белых халатах. У каждого из них в руках было по несколько новых винных бутылок.

Врач узнал, что в подвале больницы скрываются уголовники, освобожденные контрреволюцией из тюрьмы и называвшие себя «сповестниками», что их возглавляли бывшие хористские офицеры, прибывшие с Запада. Все они носили белые медицинские халаты. Эта банда ограбляла близлежащий пятиэтажный универсам «Диватчарнок». Большую часть награбленного они доставили в больницу и теперь спекулировали им. Несколько дней спустя полиция поймала банду, конфисковала сохранившиеся еще части украденных вещей, а также оружие и рацию.

— Что стало с нашим чистым движением? — сетовал студент, введенный в заблуждение демагогическими лозунгами. — Мы расстреляли нашего товарища, дрожащего от холода, за то, что он встал из разбитой витрины шарф и обвязал себе шею. Мы не позволили грабежом загнать нашу борьбу. А эти воруют и воруют. Мы боролись не за это.

«Мы не этого хотели!» «Мы боролись не за это!» Начиная с 29 октября, когда на улицах Будапешта в течение нескольких дней линчевали коммунистов, мы не раз слышали такие слова из уст писателей, студентов, рабочих.

Слова «мы не этого хотели» относятся не только к вооруженному нападению на Будапештский горком партии. В Будапеште с 29 по 31 октября вооруженные группы осаждали и заняли все здания районных комитетов партии.

Одна за другой возникали националистические партии, исчезнувшие когда-то вместе с фашизмом, появлялись плакаты, газеты этих партий. На одном из таких плакатов можно было прочесть имена не-

скольких известных артистов и большую подпись под ними: «Осторожно, окрашено!» (Это значило, что некоторые артисты уже перекрашены под новую националистическую окраску). С такой же подписью появились и имена писателей и поэтов из «оппозиции». Они, конечно, этого не хотели.

В те дни в Будапеште сожгли четыре книжных магазина, несколько библиотек, а также Дом партучебы. Горели ноты, произведения классиков художественной литературы, стихотворения Петефи на русском языке вместе с трудами Ленина, Горького, Гюго и Драйзера. Были сожжены ценные произведения на венгерском, французском, английском и немецком языках.

В зданиях министерств, в парламенте появились представители режима Хорти, бывшие министры, бывшие статс-секретари, различные высочайшие и сиятельные. Они требовали себе прежних позиций, требовали очистить государственный аппарат от рабочих-крестьянских кадров.

В словах «мы не этого хотели», «мы не за это боролись» выражается не одно лишь субъективное разочарование отдельных лиц или групп.

В этом выражении политический крах в первую очередь оппозиционной группы, состоявшей из писателей — членов партии, которые в последнее время весьма активно боролись против партии. Когда созрели плоды их «политики», они в испуге и замешательстве заявили, что «не этого хотели». Они действительно не желали контрреволюции, но то движение, которое раздувалось ими в последнее время, перешло в контрреволюцию.

В чем же причина краха? Приведенное выше решение партии отвечает и на этот вопрос: писатели не отмежевались от реакции, у них не было позитивной программы.

Мы еще до октябрьских событий осуждали оппозиционную группу писателей — членов партии за то, что путь, на который они встали, ведет к анархии и контрреволюции, так как своей критикой они уничтожают авторитет партии, разрушают партию, отрицают завоевания, которые, несмотря на ошибки клики Ракоши, были достигнуты талантливым венгерским народом под руководством партии. Писатели не отделили себя от контрреволюционных сил, которые открыто поддерживали их в этой борьбе.

Если разбирать причины подробно, то нужно сказать, что оппозиционеры совершенно забыли предостережение Ленина, сделанное им на X съезде партии. Это предостережение о том, что дискуссии и споры внутри партии, когда она окружена врагами, могут быть использованы ими против партии, против дела социализма.

Оппозиционеры не видели тех классовых сил, сил социализма и империализма, борьба между которыми решает исход больших общественных движений. Поэтому они слепо помогали врагу. А враг, считая, что уже победил, что завоевал политическую власть, смел со своего пути, как

Окончание на 4-й стр.

Сделано с любовью

К заводским воротам подходит человек с чемоданчиком и обращается к вахтеру:

— Где найти товарища Чернеева?

На втором этаже, в парткоме завода, несколько человек осаждают секретаря:

— Товарищ Горев, просим уделить время, побеседовать с нами... Приехали издалека...

Много гостей в эти дни на автозаводе имени Молотова в Горьком. Сюда едут представители предприятий из разных городов, едут, чтобы на месте изучить, как рабочие автозавода в свободное от работы время строят жилье для себя.

Приезжают все интересуются. Во-первых, что значит «свободное время», во-вторых, как расшифровать выражение «своими силами», в-третьих, на сколько буквально надо понимать слова «для себя». Нельзя ли узнать, откуда берут рабочие строительные материалы, как оплачивается труд на стройке. И, наконец, посмотреть новые дома. И всем очень желательно «увидеть товарища Чернеева»...

Среди приезжих — представители Пензы, Серпухова, Ленинграда. Есть и молодые люди с комсомольскими значками.

— Никак, комсомол тоже интересуется жилищным строительством, — шутит молодой человек из делегации Пензы.

— Представьте, не только интересуется, но и будет строить!

Молодые ленинградцы — инженер-конструктор Татьяна Павлова и начальник техбюро цеха Александр Баменицкий — представители недавно построенного завода.

— Завод у нас молодой, жилья не хватает. Многие из нас говорили: «Самим, что ли строить?» И вдруг горьковчане выступили с инициативой...

И вот молодые люди собрались в путь-дорогу, выехали в Горький для изучения опыта автозаводцев.

В подвезде парткома подается автобус. Все спешат занять места. Через двадцать минут мы в чистой, просторной комнате. Возле плиты возится пожилая женщина. Это Наталья Яковлевна Полищук — мать хозяйки дома.

— Очень довольны, очень благодарны, — встречает нас она, хотя мы-то тут ни при чем.

Наталья Яковлевна рассказывает нам,

Эмиль АБДУЛЛИН,
специальный корреспондент
«Литературной газеты»

угол у индивидуального застройщика. Платили 250 рублей ежемесячно!

— Строили сами, своими руками, — говорит сын Наталья Яковлевны, который вошел в комнату с двоюродным братом на стройке своего дома ленинским.

Василий Полищук — квалифицированный рабочий-полировщик в цехе металлопокрытий кузовного корпуса.

— Как же вы научились печному делу? — Надо было, научился. Потому что сильно хотел. Я не только в своем доме, но и в других печи клал. И ничего, говорят, исправные...

Так рождается новое

Первые восемнадцать домов автозавода построили пресовщики, слесари, формовщики и инструментальщики. В домах этих живет почти 600 семей. А теперь сотни рабочих завода участвуют в строительстве новых домов.

С чего началось?

На этот вопрос затрудняется ответить даже главный закоренник этого дела — Петр Михайлович Чернеев.

Коммунист Чернеев — уже немолодой человек, со спокойным, добро-

душно-веселым взглядом. Всего удивительнее то, что инициатор нового метода организации жилищного строительства сам никогда не был строителем. Он инженер, видный специалист автомобилестроения, начальник пресовного корпуса завода.

Кому из руководителей предприятий не знакомы тягостные минуты высущивания жалоб на жилищную нужду, когда с большой душевной приходится отвечать:

— Ждите... Дойдет очередь и до вас... Разговоры о нехватке жилищной площади часто возникали и в кабинете Чернеева.

Что поделаешь, если строительные организации завода, в частности трест «Стройгаз», на протяжении пяти лет не выполняли плана. «Ждите», — говорил и Чернеев, но часто его тревожила мысль: «Почему надо ждать? Нельзя ли строить самим?»

Однажды в разговоре с директором завода Петр Михайлович Чернеев предложил

как ее сын, бывший колхозник, приехал на завод, сперва жил в общежитии, а когда обзавелся с семьей, вынужден был долгое время снимать

угол у индивидуального застройщика. Платили 250 рублей ежемесячно!

— Строили сами, своими руками, — говорит сын Наталья Яковлевны, который вошел в комнату с двоюродным братом на стройке своего дома ленинским.

Василий Полищук — квалифицированный рабочий-полировщик в цехе металлопокрытий кузовного корпуса.

— Как же вы научились печному делу? — Надо было, научился. Потому что сильно хотел. Я не только в своем доме, но и в других печи клал. И ничего, говорят, исправные...

Так рождается новое

Первые восемнадцать домов автозавода построили пресовщики, слесари, формовщики и инструментальщики. В домах этих живет почти 600 семей. А теперь сотни рабочих завода участвуют в строительстве новых домов.

С чего началось?

На этот вопрос затрудняется ответить даже главный закоренник этого дела — Петр Михайлович Чернеев.

Коммунист Чернеев — уже немолодой человек, со спокойным, добро-

душно-веселым взглядом. Всего удивительнее то, что инициатор нового метода организации жилищного строительства сам никогда не был строителем. Он инженер, видный специалист автомобилестроения, начальник пресовного корпуса завода.

Кому из руководителей предприятий не знакомы тягостные минуты высущивания жалоб на жилищную нужду, когда с большой душевной приходится отвечать:

— Ждите... Дойдет очередь и до вас... Разговоры о нехватке жилищной площади часто возникали и в кабинете Чернеева.

Что поделаешь, если строительные организации завода, в частности трест «Стройгаз», на протяжении пяти лет не выполняли плана. «Ждите», — говорил и Чернеев, но часто его тревожила мысль: «Почему надо ждать? Нельзя ли строить самим?»

Однажды в разговоре с директором завода Петр Михайлович Чернеев предложил

построить своими силами дома для нуждающихся пресовщиков.

— Не повезло, — безнадёжно махнул рукой директор, — «малозатка» заперена.

— А все-таки хочу попробовать, — упорствовал Чернеев. — Буду строить под видом ремонта старого дома. Камень, песок, пиломатериалы найдутся...

И напались. Когда первый дом был построен и заселен, все были поражены, как это просто делается.

Сразу же заговорили в других корпусах и цехах о строительстве жилья по методу пресовщиков. Молниеносно заполнялись списки желающих строить себе жилье в моторном и кузовном цехах. Сотни производственников вышли на стройплощадки.

На пути строителей возникли серьезные препятствия. На Чернеева наступали со всех сторон: «Кто вам разрешил малоэтажное строительство?»

Рабочие-застройщики поддержали партийные организации завода и района.

И дело пошло. Заложили еще 15 домов. В полную силу начали работать рабочие из цеха шлакоблоков, вибробетонных. Автозаводцы создали даже свою лабораторию по изысканию новых строительных материалов.

И победила не формальная, а человеческая позиция.

Теперь уже началась новая стадия жилищного строительства своими силами. Разработан единый план застройки. Цехи завода будут строить поселок из мало-

Желанное дело

Строительное дело — не простое.

В жилищном здании, которое возводятся рабочими автозавода, предъявляются серьезные требования. Скидок на неопытность и малую квалификацию здесь не дают. Новые дома построены прочно, стены надежны, а отделка радует глаз.

Как же достигнуто такое качество? Как дается заводским токарям, литейщикам, кузовщикам мастерство каменщика, плотника, столяра?

Ответ один: желанное это дело!

Если бы на домах, построенных руками заводских рабочих, поставили марку, то

на ней можно было бы написать: «Сделано с любовью».

Общий интерес вызывает двухэтажный дом, построенный рабочими цеха шасси. Это первый двухэтажный дом. Он прост, но пропорции его изящны.

— Этот дом подходит для нас! — замечают представители нескольких делегаций.

Петр Михайлович Чернеев улыбается: — Здесь есть недостаток: одна кухня на две семьи. А в шестидесяти пяти новых домах, которые мы будем строить в будущем году, у каждой семьи будет своя кухня.

Гости просят ознакомиться с технической документацией: «Чертежи бы нам...»

Они забрасывают Чернеева вопросами о стройматериалах, о финансировании, о тонкостях организации дела. Расспрашивают подробно, настойчиво, чтобы все было ясно.

— Вот в газетах писали, что люди у вас строят после работы, в свободное время...

— Так оно и есть.

— Но ведь ваши заводские рабочие целый день на стройплощадке.

— Верно.

— А как же это получается? Мы ведь понимаем так, что у вас рабочие идут на стройку после того, как днем поработали у станка?

— И это верно.

Петр Михайлович очень спокоен и делательно объясняет приезжим организационные принципы строительства, так как это очень важно, в этом — главное и ценное зерно опыта.

Когда строили первый дом, пресовщики отбирали наиболее нуждающихся в жилье 24 рабочих (желающих было, конечно, гораздо больше). Но только часть из них — 14 человек — решили послать на стройку, освободив от работы в цехе время строительства. При этом, конечно, во всех случаях коллектив обеспечивает выполнение производственного плана.

Этим рабочим выплачивают средний заработок по цеху. Они и составляют основное ядро строителей. Их обучают профессиям каменщика, плотника, печника. Остальные участники строительства приходят им помогать после работы в цехе.

Теплая, дружеская забота коллектива о тех, кто нуждается в жилье, сказывается и в том, что по воскресеньям на стройплощадку приходили рабочие, уже имеющие квартиры.

Горьковчане сказали первое слово. Их инициатива уже подхватывается во многих городах. В стране начинается новое широкое движение за улучшение жилищно-бытовых условий советских людей.

г. ГОРЬКИЙ

ШОТЛАНДСКИЕ МОТИВЫ

Дом в Аллоуэ

Тонут в тонком кружеве ветвей
Розовые отблески рассвета.
Тихое местечко Аллоуэ,
Родина веселого поэта.

С окнами во двор крестьянский дом
Остатки не жидки и не выжи.
В листве зеленом и седом
Вся соломка на покаты крыше.

Этот дом мне показан сном,
В дальнем детстве виденном когда-то.
Здесь в пыли возился под окном
Будущий батрак и арендатор.

Памятю совсем далеких лет
Старые дубы стоят поныне.
Здесь когда-то будущий поэт
Пролетал верхом на хворостине.

И отсюда, утраве слезу,
Горя и нужды хватив с изилишком,
Старый Бернс-папаша на возу
К новой жизни увозил мальчишку.

От окраины этого села,
От калитки этой, от порога
В мир, большой и страшный, увела
Песню эта пыльная дорога.

Песни-жизнь вилась, как дикий хмель,
В темном прошлом потеряв начала,
И потом, за тридевять земель
Возрождаясь, сотни лет звучала.

Вешний ветер, встревоженный, повеял
Песенным дыханьем в час рассвета.
Слава тебе, тихий Аллоуэ,
Родина веселого поэта!

Трактир при дороге

Недалеко от Аллоуэ
(Эль, романтика, сверчок!)
Мы вошли, благоволя,
В старый-старый кабачок.

Как вездеход подлуномном мире
С давних пор заведено,
В историческом трактире
Пили пиво и вино.

От соблазна нам удрать бы!
Но, радушно и мило,
Сразу две крестьянских свадьбы
Нас позвали за столы.

Мы, конечно, не спешим —
Меж гостей усажив в ряд.

С головой ушли в красивый
Сельский свадебный обряд.

Оглушили нас волынкой,
В буйных плясках пол гудел,
И на улей наш с картинкой,
Хитро шурясь, Бернс глядел.

Был он рад, что в месте злечном
Новожины-женщины
Жарко шепчут новобрачным
Законные его стихи.

Был он рад, что москвиты
Завились в Аллоуэ,
Что из деревни, в ночь открытой,
Сыплет трели соловей.

Что вино, сливаясь с далью,
Не мелеет, не глубока,
Отливает синей сталью
Дун — красивая река,

Что заречный луг не колюч,
И туда, где тишина,
Как и прежде, перебрался
Мост горбатый, как луна,

Что за мост летит с колдуньей
Там О'Шентер, кавалер.

Над шотландским графством Эр.

Шахтерский праздник

Шотландского неба лазурный осколок
От синего свода небес отдели,
Пованите Камнок — шахтерский поселок
На юге старинной и славной земли.

Под Камноком уголь хойзика-природа
На тысячи лет заготовила впрок.
С Атлантики стелется запах идол,
Цветут по холмам рододендрон и дрок.

Июньские теплые дни, повеселе,
Все в красном и синем, и желтом холмы.
С больших королевских торжеств
На воскресенье в воскресенье.

На праздник шахтеров маргарили мы.

Отличное утро. Ни облачка в небе.
С травы челянок собирают скорцы.
Несут карапузов на выставку бжи.
Сквозь брызги в бассейне ныряют плывцы.

Но это не главное, так, между делом.
Толпа нас уносит в иные места,
Где в парке, от цвета жасминного белом,
Сегодня воздвигла свой трон красота.

Наоми Мичисон,
Марте и Эмису Хьюз

Светят звезды в новолуние
Над шотландским графством Эр.

Светят звезды. Светят окна.
Светят в море маяки.

Млечный Путь волокла
Серебристы и тонки.

Метеор летит и тает
В глубине небесных сфер.

Ветер лирики витает
Над шотландским графством Эр.

На этом высоком, торжественном
Троне,

Поблизости стада баранов и коз,
Красуется в легкой картонной короне
Шахтерская дочка Мойра Пенроз.

Пажи возле трона и справа, и слева.
Придворная свита шумна и пестра.
За кудри, за гибкий свой стан королева
Сердцами первой управляет с утра.

Задорные песни. Веселые споры.
Вокруг королевы ведут хоровод
Шахтеры, шахтеры, шахтеры —
Прорвавшийся к солнцу подземный народ.

Девчонки стройнее и легче тростинки
Летят в хороводе, гибки и ловки.
Под резкие выкрики хриплых воинов
Старинные песни поют горняки.

За тактами такт, каблучок перестук.
Скульптура голени и икр напояк.
Широкие плечи и сильные руки,
И отсветы неба в свечении глаз.

Пажи расступаются справа и слева.
Вот к трону подходит, высок и пелечист.
Вот за руку нежно берет королеву
Прямо любимого влюбашинист.

Волынки режут истуственно и яро,
И в черном ударили колокола.
По влажной траве королевская пара,
Как лебедь с лебедушкой, ползла.

А мы любовались. И надо признаться,
Грустили, немаломно себя пожалев,
Что мы не шахтеры, что нам не по
Двадцать, что молодость мимо ведет королев...

Однако не наши звучат голоса ли
С Погольи, где шли мы в ледоход!..
И мы с королевой свое отплатили,
Как этот веселый шахтерский народ.

Златоустовские граверы

ЧЕЛЯБИНСК. (Наш корр.). Еще в прошлом веке замечательный златоустовский гравер Иван Бушуев, поэтично описанный П. Бажовым в его сказе «Иванко-Крылаток», создал уникальные клинки, на которых были запечатлены эпизоды Отечественной войны 1812 года. С тех пор златоустовские мастера сложились традиция создавать произведения в честь великих исторических дат. Широко известны шашки «Битва за Сталинград», «Кубок мира», карточки на стали, посвященные 800-летию Москвы, и другие.

Вот и сейчас, когда страна готовится к празднованию 40-летия Великого Октября, уральские умельцы готовят новые произведения. «От взятия Зимнего до наших дней» — таковы темы правок, которые создают один из лучших мастеров Челябинска Берсенева. На одной стороне лезвия будут запечатлены эпизоды штурма Зимнего дворца, на другой — панорама строек в годы пятилетки. Стальные ножи будут украшены гравюрами на темы гражданской и Великой Отечественной войны. На рукоятке из словной кости засверкают уральские самоцветы.

Готовятся златоустовцы и к Всемирному фестивалю молодежи и студентов. Это будут различные сувениры — блокноты, монogramмы, настенные медальоны, изображающие исторические места Москвы, и т. д.

Создан Детгиз УССР

На Украине создано Издательство детской литературы — Детгиз УССР. Оно будет выпускать классические и современные отечественную и зарубежную художественную, научно-популярную, научно-фантастическую и приключенческую литературу для детей, а также литературу для юных техников, натуралистов, авиамоделлистов и т. д.

дойдя вплотную к окну, не находя от волнения никаких других слов.

— Простите, что вам надо?

— Аннушка, это же я.

Она застыла на мгновение и, закрыв лицо черным форменным фартуком, застонала.

На почте стало тихо. Люди прекратили скрипеть перьями, надписывать адреса, зашивать посылки, разговаривать.

...В сырой маленькой душевной комнате, с треснувшим в двух местах, протекающим потолком, просидели мы с ней до утра.

Все, что она рассказывала, касалось не столько ее, сколько всех нас. Да, это касалось нас.

...Было все: и новые разведки, и поиски, и снова высадки в тыл врага. Но так случилось, что, дважды раненная на кромке Херсонского маяка, где отрезанные от Большой земли матросы продолжали в рукопашную отбивать последние клочки крымской земли, Анка попала в плен.

Фашисты возили ее по тюрьмам. Они истязали ее на допросах, по месяцам заставляли носить одежду, выходящую в разорванной телешашке полуголым в тюремный двор. Тюрьмы сменялись концлагерями, а Анка, сидящая в камере за побег, немученная и избитая, упрямо молчала. Только в сорок пятом году, после бунта в женском концлагере, ей вместе с другими удалось уйти к нам.

И вот она опять в родной Одессе. Но зря пыталась Анка тронуть душу равнодушных людей из горисполкома и военкомата.

Ни комнаты, ни помощи, ни внимания... «Выгадите судьбу за то, что все еще хорошо кончилось», «Нечего ездить в карете прошлого», «Вас много таких» — вот фразы, которыми встречали и провожали ее. Сначала Анка пыталась протестовать. Потом обмякла, затихла.

Ее героическое прошлое было поставлено под сомнение, незаслуженно забыто. Нет у нее ни ордена, так и не дошедшего к ней, ни даже медали «За оборону Одессы»...

— Я вас очень редко беспокою, дядя Ваня. И сейчас бы не обратился, если бы...

Да ты не подтравляй, говори прямо! — Трудно так... без преамбулы. Как вам известно, дядя Ваня, кандидатскую степень я получил давно, десять лет тому назад...

С тем же выражением изысканной иронии на бледном, малоразговорном лице Мышкенич, поправив очки, читает:

«Избегая приглашать в оппоненты молодых ученых. Они только еще завоевывают себе место под солнцем» и всегда рады воспользоваться случаем, чтобы показать себя и опорочить других. Более удобны в качестве оппонентов заслуженные деятели науки...»

Внезапно он начинает сильно кашлять, краснеет и говорит:

Ну, тут дальше неинтересно, дядя Ваня! Лучше вот...

— Нет, нет, читай, раз уж начал! — Извольте! — пожимает плечами собиратель фольклора и читает:

«Более удобны в качестве оппонентов заслуженные деятели науки, ибо в старости все мы делаем, если не добрее, то во всяком случае, ленивее».

Опустив бумагу со своими записями, он видит устремленные на него насмешливо прищуренные, пронзительно светлые стариковские глаза и, смутившись, заявляет с излишней горячностью:

— Но к вам, дядя Ваня, это уж никак не относится!

— Относится, племянник, относится! Я действительно стал ленив, как старый кот. Вокруг него мыши шныряют, а он сидит, подлет, смотрит и только хвостом этак благодушно — туда-сюда!

— Не кончитничать, дядя Ваня! Я всегда поражался и поражаюсь вашей работоспособности. Не жалеете вы себя. Не ленья так!

Иван Георгиевич чувствует, как снова у него в левой стороне груди возникает тулая, племянная боль, будто чья-то большая грубая рука сжимает его сердце.

— Ты извини меня, Женя, — говорит академик, невольно морщась, — но ты пришел без звонка, а я хот и ленив, но все-таки должен еще... мышель ловить. Мне за это жалованье платят. Если у тебя есть дело какое-то мне, говори, голубчик!

— Откровенно говоря даже не дело, а... просьба, дядя Ваня!

— «Давай», как теперь говорят. Слушай тебя.

Стенокардия

У академика Ивана Георгиевича Свинцова с утра побаливало сердце. Ему бы полежать, успокоиться, а он решил: «Ничего, припру палец, сяду работать, втянусь — оно и пройдет!»

Так и сделал. И действительно стало легче, боль прошла, работа спорилась. Но вдруг, без обычного предварительного телефонного звонка, явился племянник Ивана Георгиевича (сын его покойной сестры Аня Георгиевна) — Евгений Яковлевич Мышкенич, кандидат наук, сотрудник кафедры в одном техническом институте. Явился и сидит, рассказывает анекдоты, похотывает, а у самого глаза бегают, неспокойные, дающие.

«Что-то ему от меня нужно? — думает академик, крупный старик, с простым лицом львиного доброго склада. — Так просто он не приходит! Присел бы уж скорей, а то сидит, разводит дипломатию!»

Но Евгений Яковлевич — весь выжужженный, гладкий, преждевременно увядший, с яйцеобразным черепом, на котором аккуратно причесанные редкие волосы кажутся натянными струнами, — не спешит: сначала надо дядюшку развлечь, привести в хорошее настроение, а тогда уже...

— А вот еще, дядя Ваня, из нашего фольклора, — говорит он, мило улыбаясь. — У меня записано. Послушайте-ка!

Кандидат наук вынимает из кармана модного пиджака бумажку, надевает очки в светлой оправе и громко читает: «В помощь начинающему ученому. Совет первый. Помни, что списывание с одного источника — это плагиат, с двух — компиляция, а с трех и более — диссертация». Остроумно, правда?

Академик произносит в ответ нечто неопределенное — не то «гм!», не то «да-а», но все же улыбается. Ободрившись, Евгений Яковлевич шарит глазами по своей бумажке и снова читает вслух:

«Совет третий. Не пиши коротко. Краткость свидетельствует либо о большом таланте, либо о скудости знаний. Коллеги не простят тебе ни того, ни другого».

— Давай, как теперь говорят. Слушай тебя.

— Давай, как теперь говорят. Слушай тебя.

— Давай, как теперь говорят. Слушай тебя.

— Давай, как теперь говорят. Слушай тебя.

— Давай, как теперь говорят. Слушай тебя.

— Давай, как теперь говорят. Слушай тебя.

— Давай, как теперь говорят. Слушай тебя.

Подписчик жалуется...

Если учесть все это, станет ясно, что в проведении подписной кампании совершенно непереносимы даже самые малые недостатки. Между тем, судя по письмам читателей, недостатков в этом деле еще немало.

«В эти дни к нам обращаются десятки людей, — пишет Е. Варавва, общественный уполномоченный «Союзпечати» (Киев). — У каждого есть свои любимые газеты и журналы, давно уже ставшие друзьями, учителями, советниками. У товарищей — желание выпустить на 1957 год «Комсомольскую правду», «Юность», «Юность», «Работницу», «Крокодил», «Технику» — молодежь. «Науку и жизнь» и т. д. Но общественный уполномоченный, смущаясь, говорит:

— Нам дали их на трехтысячный молодежный коллектив вуза от одного до пяти экземпляров...»

В печати сообщалось, что с нынешнего года отменены ограничения в подписке на многие газеты и журналы. Однако на деле неистребимая привычка к «лимитам» еще дает себя знать в ряде мест. Фельдшер М. Суворин (село Гранов, Гайсинского района, Винницкой области) сообщает, что на все село, где имеются два колхоза, МТС, три школы, больницы, лесничество, «Союзпечать» выделено: «Юность» — один экземпляр; «Дружба народов» — один; «Работница» — два; «Роман-газета» — два; «Огонек» — два экземпляра. Совсем не дали журналов «Новый мир», «Октябрь», «Нева». О затруднениях с подпиской пишут сотрудники Одесского филиала «Орггестроя» тт. Тимерева, Кордон, Пугачев.

Разительные факты приводит в своем письме технолог Ижевского металлургического завода А. Батаев: на весь коллектив его цеха, насчитывающего пятьсот человек, местное отделение «Союзпечати» выделило один экземпляр газеты «Труд», по одному экземпляру журналов «Огонек» и «Работница».

«Проще выиграть по займу, — пишет тов. Батаев, — чем приобрести нужную подписку. Я, по крайней мере, в этом году уже четыре раза получал в Сбербанк выигрыши, а выписать «Крокодил» мечтаю в течение нескольких лет...»

У нас в Ижевске у почтматки висит щит с перечнем журналов, на которые можно свободно подписаться. 85 наименований! Тут и «Алтайское дело», и «Финансы СССР», и «Синько-достоинство». Должно быть, тиражи таких специальных изданий расходятся не полностью.

У нас в Ижевске у почтматки висит щит с перечнем журналов, на которые можно свободно подписаться. 85 наименований! Тут и «Алтайское дело», и «Финансы СССР», и «Синько-достоинство». Должно быть, тиражи таких специальных изданий расходятся не полностью.

У нас в Ижевске у почтматки висит щит с перечнем журналов, на которые можно свободно подписаться. 85 наименований! Тут и «Алтайское дело», и «Финансы СССР», и «Синько-достоинство». Должно быть, тиражи таких специальных изданий расходятся не полностью.

У нас в Ижевске у почтматки висит щит с перечнем журналов, на которые можно свободно подписаться. 85 наименований! Тут и «Алтайское дело», и «Финансы СССР», и «Синько-достоинство». Должно быть, тиражи таких специальных изданий расходятся не полностью.

У нас в Ижевске у почтматки висит щит с перечнем журналов, на которые можно свободно подписаться. 85 наименований! Тут и «Алтайское дело», и «Финансы СССР», и «Синько-достоинство». Должно быть, тиражи таких специальных изданий расходятся не полностью.

У нас в Ижевске у почтматки висит щит с перечнем журналов, на которые можно свободно подписаться. 85 наименований! Тут и «Алтайское дело», и «Финансы СССР», и «Синько-достоинство». Должно быть, тиражи таких специальных изданий расходятся не полностью.

У нас в Ижевске у почтматки висит щит с перечнем журналов, на которые можно свободно подписаться. 85 наименований! Тут и «Алтайское дело», и «Финансы СССР», и «Синько-достоинство». Должно быть, тиражи таких специальных изданий расходятся не полностью.

У нас в Ижевске у почтматки висит щит с перечнем журналов, на которые можно свободно подписаться. 85 наименований! Тут и «Алтайское дело», и «Финансы СССР», и «Синько-достоинство». Должно быть, тиражи таких специальных изданий расходятся не полностью.

У нас в Ижевске у почтматки висит щит с перечнем журналов, на которые можно свободно подписаться. 85 наименований! Тут и «Алтайское дело», и «Финансы СССР», и «Синько-достоинство». Должно быть, тиражи таких специальных изданий расходятся не полностью.

У нас в Ижевске у почтматки висит щит с перечнем журналов, на которые можно свободно подписаться. 85 наименований! Тут и «Алтайское дело», и «Финансы СССР», и «Синько-достоинство». Должно быть, тиражи таких специальных изданий расходятся не полностью.

У нас в Ижевске у почтматки висит щит с перечнем журналов, на которые можно свободно подписаться. 85 наименований! Тут и «Алтайское дело», и «Финансы СССР», и «Синько-достоинство». Должно быть, тиражи таких специальных изданий расходятся не полностью.

У нас в Ижевске у почтматки висит щит с перечнем журналов, на которые можно свободно подписаться. 85 наименований! Тут и «Алтайское дело», и «Финансы СССР», и «Синько-достоинство». Должно быть, тиражи таких специальных изданий расходятся не полностью.

У нас в Ижевске у почтматки висит щит с перечнем журналов, на которые можно свободно подписаться. 85 наименований! Тут и «Алтайское дело», и «Финансы СССР», и «Синько-достоинство». Должно быть, тиражи таких специальных изданий расходятся не полностью.

У нас в Ижевске у почтматки висит щит с перечнем журналов, на которые можно свободно подписаться. 85 наименований! Тут и «Алтайское дело», и «Финансы СССР», и «Синько-достоинство». Должно быть, тиражи таких специальных изданий расходятся не полностью.

У нас в Ижевске у почтматки висит щит с перечнем журналов, на которые можно свободно подписаться. 85 наименований! Тут и «Алтайское дело», и «Финансы СССР», и «Синько-достоинство». Должно быть, тиражи таких специальных изданий расходятся не полностью.

У нас в Ижевске у почтматки висит щит с перечнем журналов, на которые можно свободно подписаться. 85 наименований! Тут и «Алтайское дело», и «Финансы СССР», и «Синько-достоинство». Должно быть, тиражи таких специальных изданий расходятся не полностью.

У нас в Ижевске у почтматки висит щит с перечнем журналов, на которые можно свободно подписаться. 85 наименований! Тут и «Алтайское дело», и «Финансы СССР», и «Синько-достоинство». Должно быть, тиражи таких специальных изданий расходятся не полностью.

У нас в Ижевске у почтматки висит щит с перечнем журналов, на которые можно свободно подписаться. 85 наименований! Тут и «Алтайское дело», и «Финансы СССР», и «Синько-достоинство». Должно быть, тиражи таких специальных изданий расходятся не полностью.

У нас в Ижевске у почтматки висит щит с перечнем журналов, на которые можно свободно подписаться. 85 наименований! Тут и «Алтайское дело», и «Финансы СССР», и «Синько-достоинство». Должно быть, тиражи таких специальных изданий расходятся не полностью.

У нас в Ижевске у почтматки висит щит с перечнем журналов, на которые можно свободно подписаться. 85 наименований! Тут и «Алтайское дело», и «Финансы СССР», и «Синько-достоинство». Должно быть, тиражи таких специальных изданий расходятся не полностью.

У нас в Ижевске у почтматки висит щит с перечнем журналов, на которые можно свободно подписаться. 85 наименований! Тут и «Алтайское дело», и «Финансы СССР», и «Синько-достоинство». Должно быть, тиражи таких специальных изданий расходятся не полностью.

У нас в Ижевске у почтматки висит щит с перечнем журналов, на которые можно свободно подписаться. 85 наименований! Тут и «Алтайское дело», и «Финансы СССР», и «Синько-достоинство». Должно быть, тиражи таких специальных изданий расходятся не полностью.

У нас в Ижевске у почтматки висит щит с перечнем журналов, на которые можно свободно подписаться. 85 наименований! Тут и «Алтайское дело», и «Финансы СССР», и «Синько-достоинство». Должно быть, тиражи таких специальных изданий расходятся не полностью.

У нас в Ижевске у почтматки висит щит с перечнем журналов, на которые можно свободно подписаться. 85 наименований! Тут и «Алтайское дело», и «Финансы СССР», и «Синько-достоинство». Должно быть, тиражи таких специальных изданий расходятся не полностью.

У нас в Ижевске у почтматки висит щит с перечнем журналов, на которые можно свободно подписаться. 85 наименований! Тут и «Алтайское дело», и «Финансы СССР», и «Синько-достоинство». Должно быть, тиражи таких специальных изданий расходятся не полностью.

Об этом же пишут и многие другие читатели. В уже приводившемся письме тов. Варавва из Молдавии говорится: «Еще во времена Пушкина каждый журнал имел тираж в зависимости от спроса подписчиков. Подписчики сами обирали журнал на который или на смерть. Это заставляло издателей и со- трудников работать живее, лучше. Хватит «Союзпечати» опенять редак- ции, издательства, выпускающие серую продукцию, не удовлетворяющую расту- щих год от года запросов нашего массо- вого читателя».

В ряде писем содержится серьезная критика самой организации подписки. Все еще нечетко, негибко работает апар- ат «Союзпечати». Так, например, в Молдавию дан для распространения журнал о речном пароходстве и о судостроении. Но ведь в этой рес- публике нет, по сути, пароход- ства и, тем более, судостроения. А в селе Гранов на Украине, как сообщает М. Суворин, ограничена до одного эк- земпляра подписка на журнал «Фельд- шер и акушерка» — издание вроде бы и неспециальное. Все еще процветает не- правильная практика «Союзпечати», ко- гда в дополнение к журналам и газетам, на которые люди желают подписаться, в качестве «принудительного ассортимен- та» навязывают «неходовые» издания.

«Я никак не могу понять, — пишет старший инженер научно-исследователь- ского института Гражданского Воздуш- ного Флота В. Дубенский, — поче- му человек, желающий повысить свой технический уровень и выпи- сывающий журнал «Радио», должен в виде «довеска» обязательно выписать другой технический журнал — «Граж- данская авиация»? Если бы не усилия та- ких «распространителей» печати, то редакция той же «Гражданской ави- ации», обеспокоенная неравнодушием тиражом, вынуждена была бы сделать свой журнал действительно актуаль- ным, интересным и полезным, по край- ней мере, для работников аэрофлота».

Н. Керженцев (гор. Молотов) и А. Демиин (Саратов) ставят вопрос о том, что при проведении подпис- ки на газеты и журналы следовало бы опрашивать подписчиков, не желают ли они сохранить на будущий год из- дания, которые получали в прошлые го- ды и которые привыкли читать. А то кончился год, и постоянный читатель той или иной газеты или журнала сплошь да рядом перестает быть постоянным.

Это справедливые требования! Печата- ное слово прочно вошло в жизнь и быт советских людей. С каждым годом воз- растает число подписчиков. удовлетво- рение этого спроса — дело огромной по- литической важности. Сотрудники всех массовых издательств должны внима- тельным образом изучить итоги под- писной кампании этого года. Нужно при- слушаться к голосу читателей. Необходи- мо сделать серьезные выводы из тре- бований самого массового, самого за- интересованного в мире советского чита- теля.

ПО СЛЕДАМ ВЫСТУПЛЕНИЯ «ЛИТЕРАТУРНОЙ ГАЗЕТЫ»

«Вернемся к «Колочим строчкам»

Обсудив статью «Вернемся к «Колочим строчкам», опубликованную в «Литератур- ной газете» 9 октября 1956 года, бюро Пен- зенского обкома КПСС установило, что в этой статье совершенно правильно гово- рится об отсутствии действительности многих критических выступлений газеты «Каменский колхозник».

Установлено, что по многим публикуем- ым газетой критическим материалам, в том числе фельетонам и статьям тов. Казакова, не было принято критических мер, при этом редакция газеты нередко довольствовалась формальными отписками и не вела настоя

Встреча друзей

У каждого большого собрания, как и у человека, — свой характер... На обсуждении поэзии (она состоялась 19 декабря в Доме литераторов) русские писатели больше старались непосредственно выразить дружеские чувства к своим эстонским коллегам. Может быть, так случилось потому, что речь шла о поэзии, а это располагало к дружбе.

Я принимал участие в освобождении Эстонии, — сказал в своем выступлении С. Нарочетов, — это воспоминания моей молодости. Поэтому и с особым волнением отношусь к таким стихам, как «Встреча с родным городом» Феликса Котта. Эта встреча с Тарту не только для него, но и для меня. Я чувствую себя вышедшим из замка.

Так же тепло поделились своими воспоминаниями о давних связях с эстонскими поэтами П. Железнов, В. Азаров; другие русские поэты вспоминали о своих стихах и стихах своих товарищей, посвященных Эстонии.

Выступления С. Городецкого, П. Железнова, С. Маркова нельзя назвать заезженными. Нет, все, что они говорили, заслуживает похвалы, это действительно хорошие, иногда просто превосходные стихи, их очень приятно еще и еще раз прочитать вслух, но ведь не только и не столько похвалой ждали, наверное, эстонские поэты. Делового разговора, подробного анализа можно было ожидать от собрания в большей мере.

Сделав это общее замечание, перейдем к конкретным выступлениям. В обстоятельном докладе Э. Нирк сделал обзор путей развития эстонской поэзии, отметил, что советские поэты республике наследуют лучшие традиции эстонской литературы прошлого. После некоторого спада поэтической активности в начале 50-х годов в эстонской поэзии сейчас наблюдается явный подъем. Он выражается уже в том, что на эту дату вышло уже больше поэтов, чем в 1950 году. Но оснований для благодушия, подчеркивает критик, нет. Надо еще преодолеть много слабости, в частности — узость тематики, узость, особенно заметную в лирике. Выказал Э. Нирк ряд серьезных претензий и к русским переводчикам. Работа их, к сожалению, носит больше характер предвзвешенного аврала, при этом высок процент поэтических потерь при переводах...

Большие похвалы на обсуждении заслуженно достались Юхану Смууду за его поэму «Я — комсомолец». П. Железнов, Я. Смеляков говорили, что эта поэма делает честь всей советской поэзии. Это естественный сплав национальной формы с социалистическим содержанием, сказала В. Звигинцева. Она высоко оценила работу Л. Тоома над переводом этой поэмы. Надо отметить попутно, что такая оценка переводов Л. Тоома была едва ли не в каждом выступлении.

М. Светлов сделал несколько замечаний автору переводов Смууду и произведений других эстонских поэтов в братских прибалтийских республиках сообщила литовский литератор Е. Матузявичюс.

Свое горячее выступление А. Коваленков посвятил книге стихов Д. Вааранди. Он нашел общие черты литературного процесса, связывающие эстонских и русских литераторов, сказал о своем давнем знакомстве с творчеством этой поэзии. В стихах Д. Вааранди есть хорошая народная, фольклорная основа. И не только эстонская; поэтика умеет улавливать особенности творчества и других народов СССР. Но книга ее стихов и поэм вызвала у А. Коваленкова чувство досады из-за несовершенства многих переводов.

Книгу Д. Вааранди анализировал Б. Соловьев. По его мнению, в сборнике наряду с отличными произведениями (например, поэмами «Леса шепчут» и «Алла-Марин») есть вещи риторичные, парадные (например, стихотворение «Волгодонск»).

Сборник стихов П. Руммо «Письмо из Таллина» был основой выступления П. Железнова, а также Л. Гинзбурга. «Затененная сила и нежность» — так определил М. Зенкевич основное свойство стихов Р. Парве. Он и Б. Томашевский, одинаково высоко оценивая творчество Парве, разошлись в мнениях относительно сатирических стихов поэта. В отличие от М. Зенкевича Б. Томашевский считает, что это наименее интересный цикл в книге.

В. Азаров остановился на избранных стихах писателя старшего поколения И. Семпера, автора романа «Красные гвоздики», чье поэтическое творчество складывалось в сложных, противоречивых условиях буржуазной Эстонии.

Многие ораторы очень положительно отзывались о творчестве молодого поколения эстонских поэтов — Э. Нирт, В. Бекмана, Х. Мийд, Я. Кросса, Я. Смелякова, в частности, положительно отзывались о стихах В. Бекмана на международные темы.

Совещание закрыла кратким заключительным словом председательствовавшая М. Алигер.

— Весь наш разговор, — сказала она, — направлен к тому, чтобы к следующей декаде эстонские поэты пришли с еще большими завоеваниями. Их чувства близки нам. У нас с ними общие дело, общие недостатки, общее счастье.

На следующий день состоялась встреча эстонских поэтов с Н. Тихоновым.

Сначала выступили товарищи, не успевшие сделать этого на предыдущем заседании. В. Рождественский заявил, что вчера незаслуженно остался в тени такой интересный поэт, как Феликс Котта, и конкретно рассмотрел его сборник.

Потом В. Рождественский сообщил о том, что в Ленинграде готовится к изданию антология эстонской поэзии, и обратил внимание на любопытный факт: ни одна республика, кроме Эстонии, не может похвастаться таким количеством женских имен в поэзии. В сборник, вышедший к декаде, включены стихи 16 поэтесс. И все это одаренные люди.

О качестве переводов, о работе переводчиков в эти два дня говорили много; целиком этому вопросу отвел свое выступление В. Рушник. Своими впечатлениями поделился белорусский поэт Н. Федорович.

Ответное слово держал Ральф Парве. Он благодарил участников обсуждения, но все же заметил: — Пожелай, нас слишком много хвалили, хотелось бы немножко больше критики.

По его мнению, упрекать Д. Вааранди в риторичности, в декларативности несправедливо, все это появилось у нее только в переводах.

Встреча закончилась большой речью Н. Тихонова. Вернее, это была не речь, а захватывающий разговор, раздумья об эстонской и всей нашей поэзии.

В молодости я всю Эстонию обехал верхом, в свое время написал стихотворение «Ночь президента». И впоследствии я бывал в вашей республике. Поэтому мне легче понять эстонскую поэзию, легче увидеть, удалось ли поэту передать национальное своеобразие. Маленькая Эстония — это страна большой поэзии.

Затем Н. Тихонов говорил о давних связях эстонских и русских поэтов, о своем знакомстве с одним из основоположников эстонской советской поэзии И. Барбарусом, об общих задачах, стоящих перед поэтами всех советских республик.

В конце Н. Тихонов поделился своими впечатлениями от некоторых стихотворений Ю. Смууды, Д. Вааранди, Р. Парве, В. Бекмана.

ВОЛНУЮЩЕЕ ИСКУССТВО

В зале не было равнодушных. Реакция на концерт Государственного академического мужского хора Эстонии была бурной, многие номера первого и почти все второе отделение шли на бис.

Чем же эстонцы так привлекали слушателей? Прежде всего широтой своих возможностей. Хор в совершенстве владеет всеми оттенками, начиная от сокрушительных «трех форте», которые победно и радостно звучали в хорах пилигримов из вагнеровского «Тангейзера», и кончая едва уловимым, легким, как дыхание, «пианиссимо» в прелестном «Озере в дремучем лесу» Людвиг Ланг в светлом «Вечернем чувстве» Тюрнпуну. При этом самое большое «форте» никогда не оскорбляет резкостью и криком: у хора звук мягкий, густой и плотный, как будто растекающийся ширь и заполняющий собой все пространство. Вот почему можно вполне говорить в данном случае о «звуке хора», о единстве звука, как и этот коллектив обладает редкой слитностью толов и поет действительно, как один человек.

Короче. Совершенная хорская культура позволяет эстонскому коллективу иметь огромный репертуар. «Они все могут», — было частой фразой на концерте.

В первом отделении хор познакомил нас с произведениями эстонских авторов. Они различны по содержанию и музыкальному материалу: тут мы услышали победный хор воинов из оперы Аава «Викерцы» и песнь радости «Мне в детстве до восторга...» Тюрнпуну, где звучит во всю силу торжественно освободившего человека. К сожалению, произведение эстонских авторов было немножко, но все же их оказалось достаточно, чтобы представить духовный облик народа — отважного и поэтичного, дерзкого и сдержанного, по-хорошему веселого.

Второе отделение было посвящено мировой музыкальной литературе, и здесь в основном коллектив отдал предпочтение не специально хорным произведениям, а переложениям сольных для голоса и даже инструментальных вещей.

Так, хор великолепно «изобразил» оркестр в изысканно и легко спетой «Неаполитанской песне» Чайковского. Сложная партия «Блохи» исполнена богатыми красками, это гениальное произведение с удовольствием были прослушаны порусски светлый романс Даргомыжского «На севере диком» и по-немецки — «Полевая роза» Шуберта.

Выступление Академического мужского хора Эстонской ССР под руководством Густава Эрнсака. Фото А. Лапина

Несколько холодно и формально прозвучал «Ночной смотр» Глинки, но хор тут же «взял реванш», проникновенно спев «Песню сердца» Сибелиуса.

И под конец эстонцы на бис весело, лихо, в непринужденном темпе спели марш из «Фауста» Гуно.

Мы до сих пор не называли имени главного дирижера и художественного руководителя хора народного артиста Эстонской ССР Густава Эрнсака. Он — душа хора. Надо подметить, как он дирижирует, — нет, не дирижирует, а живет в музыке, — чтобы понять, откуда такое беспрерывное, точное, но в то же время и естественное, непринужденное подчинение большого коллектива его воле, его рисунку и трактовке. Скажем только о его концовках: здесь время измеряется сотыми долями секунды; их изящество и легкость происходят именно оттого, что все восемьдесят человек прекращают петь в эту единую секунду, от чего и создается впечатление одного звучащего голоса.

Остается лишь пожелать более частых встреч с чудесным хором. Пусть приезжают к нам в Москву, не дожидаясь следующей декады. Пусть станут нашими соседями, всегда желанными гостями!

Е. ФАЛЬКОВИЧ

Магическое зеркало

Вера ИНБЕР

В критических заметках Пушкина мы читаем: «Близит, образ правления, вера, дают каждому народу особенную физиономию, которая более или менее отражается в зеркале поэзии».

Развивая эту мысль Пушкина, мы можем сказать, что именно благодаря переводчику мы можем заглянуть в глубь зеркала, дотоле незнакомое нам поэзии. Переводчик как бы подносит к самым нашим глазам это магическое зеркало.

Наша советская литература по праву гордится превосходными переводчиками, среди которых почетное место занимает В. Левик, давно известный нашим читателям.

Масштаб работы Левика стал особенно ясен сейчас, когда его переводы, собранные в отдельный том, вышли в этом году в Государственном издательстве художественной литературы. В этот сборник включены отдельные произведения пятидесяти поэтов, живших на протяжении четырех веков: от шестнадцатого до девятнадцатого столетия.

Задача переводчика была чрезвычайно трудна. Ему надлежало передать особенности той или иной поэтической школы, словарь того или иного литературного направления, страны, народа. Строй стиха, самая «поэтика» поэтического слова — все должно было передаться переводчиком.

И Левик с честью справился с этими трудностями.

Как хорошо передать, например, стиль Ронсара, то пафосно-пышный, со всеми условностями античной мифологии, то исповедный буюликопейский гитан.

В своем «Гимне Франции» Ронсар описывает не только ручьи, леса, овраги своей прекрасной родины, ее памятники искусства и архитектуры. Обращаясь к нациям, фавнам и сатирам, этим покровителям поэзии, Ронсар восклицает:

О, трижды счастлив тот,
Кто жадной скуности душой
Не предавался,
Кто блеска почестей пуста
Не добивался,
Но, книги полюбив,
Как лучший дар богов,
Мечтал, когда умрет,
Воскреснуть для веков!

Такова мечта не только Ронсара, а каждого поэта. И кто, как не переводчик, помогает ему «воскреснуть для веков» даже в чужой стране.

От ясности классицизма мы переходим к сумрачному романтизму. Вступают в действие все атрибуты такого рода поэзии: полные тучи, призрачные кони, несущие призрачные всадников к развешенной могиле...

Левик переводит «Ленору» — балладу немецкого поэта XVIII века Бюргера. Мертвые жених в глубокой ночи является за своей невестой:

В. Левик. «Из европейских поэтов XVIII-XIX вв.». Гослитиздат, 1956. 455 стр.

И вдруг, и вдруг, тук-тук, тук-тук! Донесся топот туфель.
И будто всадник сплелся вдруг
В притихшем перелеске
И тихо, страшно, эрин-эрин-эрин,
У входа звякнул ржавый клин,
И хрипло крикнул кто-то
В закрытые ворота...

Еще более сложную задачу решал переводчик в работе над балладами Шиллера. Передача на другом языке стремительного и сжатого стихотворного повествования, с тугим втянутой сюжетной нитью, с реальными описаниями, полными только высококачественным переводчиком.

Здесь хочется привести описание отвратительного и страшного дракона из баллады Шиллера «Вой с драконом», где в каждой строчке как бы слышится лязг рыцарских доспехов и видится сверканье клинка:

Как меч, из черной глубины
Торчит язык. Как лав зарницы
Сверкает узкие зеницы
Сверепых глаз. Его спина
Змеей кончается двуглавой.
Семью обватами она
Коня сжимает в ком кровавый.

Читая такие строки, можно сказать, что переводчик сразился с драконом и победил его.

Совсем иная ткань стиха, иные изобразительные средства в миниатюре Гёте, посвященной Зудейке:

Чтоб игрою благоволил
Твой порывав дотоп,
Гибнут сотни роз в бутоне,
Прохлада горюло мук.

За флакон благоуханий,
Что, как твой мизинец, мал,
Целый мир существований
Безымянной жертвой пал...

Порой засада переводчика не ограничивается тем, что он открывает нам красоту произведения, написанного на незнакомом языке; благодаря переводу мы вдруг постигаем общность некоторых национальных черт далеких друг другу народов.

Примером такого рода может послужить одно место из «Чайльд Гарольда» Байрона. Отрывки этой поэмы включены Левиком в его сборник. В первой песне «Чайльд Гарольда» воспева дочь Испании, простая испанская женщина:

Любимый ранен — слез она не льет.
Пал капитан — она ведет дружинку
Свои бегут — она кричит: вперед!
И натиск сражен врагов лавину.
Кто облегит нравственный конюшу?
Кто отомстит, коль лучший воин пал?
Кто мужеством одушевит мужчину?

Разве не узнаем мы в этой испанской женщине знакомую нам русскую крестьянку, воспетую Некрасовым, которая

«воя на скаку остановит, в горящую избу войдет».

Можно было бы еще продолжить перечень творческих находок и удач в переводах Левика. Можно было бы еще цитировать строки, строфы и целые главы, и еще раз подчеркнуть высокую культуру, тщательность и поэтичность переводов данного сборника, но, думаю, лучше всего это сделать сам читатель.

Полезно отметить и некоторые недостатки. В книге есть отдельные строки и даже строфы, с которыми строгий критик может не согласиться. Таково, например, двустопное в сонете Ронсара:

Я буду средь долин,
Где нежатся поэты,
Страстей забвенье пить
Из вольн холодной Леты...

Дословно эти строки звучат так: «Я, бесплодный призрака, буду под землей вкупать покой среди увечных теней». На переводчика, видимо, повлияли прекрасные стихи Баратынского:

Там, в очарованной тени,
Где благоденствуют поэты,
Проту Катюлю и Парни
Мои небрежные куплеты,
И улынутся мне они.

В. Левик, может быть, не следовало в книге своих лучших переводов помещать «Два гренадера» Гейне. Хотя по форме и по раскрытию патристического смысла последней строфы этот перевод вернее, чем старый перевод М. Михайлова, но на стороне М. Михайлова традиция. Его перевод вошел в русскую поэзию и благодаря Шалапину стал у нас классическим. Только в том случае, если бы новый перевод был значительно сильнее, имело бы смысл включить его в такую книгу.

Хотелось бы выразить некоторые пожелания по поводу состава книги. Сборник под обязывающим названием «Из европейских поэтов XVI—XIX вв.» должен шире представлять крупнейших поэтов Западной Европы, что нет Кипса, Шелли и Колриджа, Верлена и По Бодлера, тем более что многие их стихов и очень хорошо переведены В. Левиком, а Бодлер, Миккевич представленные лишь незначительным количеством произведений. Более полное издание этой книги повысило бы ее ценность, и надо надеяться, что такое издание появится в ближайшем будущем. Оно обогатит и поэтов, и людей, интересующихся поэзией.

В заключение хотелось бы еще раз вернуться к словам Пушкина о «зеркале поэзии», в котором отражается душа народа. Сейчас нам особенно нужно такое «зеркало». Нужна его чистая, прозрачная глубина, не замутненная ни дымом пуха, ни дымом клеветы и злобы. Глубина, в которой отражается все лучшее, что есть в каждом народе: уважение к труду, стремление к миру, любовь ко всему прекрасному, что делает человека счастливым.

Бессмертие героя

Читатель, которому интересны и дороги характерные черты революционно-профессионала, с волевым прочтением книги Ральфа Парве «В подполье» (Б. выпустил недавно Детгиз). В этой по объему сравнительно небольшой книге автор рассказывает о славно эстонском коммунисте, вожаке народных масс, верном ленине Викторе Кингисепе.

Это не целостная биография, не подробное описание жизни и деятельности Виктора Эдуардовича Кингисепа, это лишь отдельные эпизоды его подпольной работы, художественно воплощенные в краткие, выразительные новеллы.

Эстонская буржуазия, в те годы находившаяся в стране у власти, «запала» своего непримиримого врага в подполье. Но и там Виктор Кингисеп — этот негасимый большевик-ленинец — был ей страшен и опасен. В тяжелых условиях подполья В. Кингисеп проводит огромную работу, организует эстонских коммунистов, вызывает подпольные типографии, руководит подпольными партийными съездами.

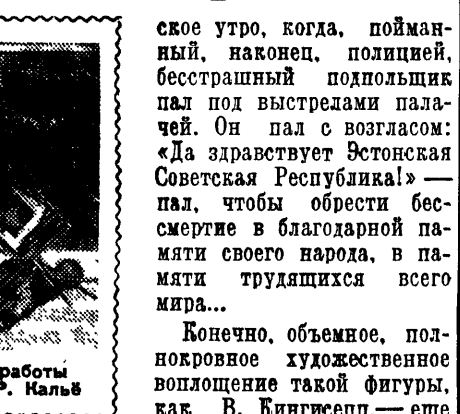
Пытаясь поймать неуловимого и опасного врага, полицейские ищейки сбиваются с ног. Но только в 1922 году — а Кингисеп сотрудничал с революционным движением в 1905-м — буржуазия удается «расчислится» с Кингисепом. Трудящиеся Эстонии теряют своего вождя и друга. Пуля в полицейском застенке обрывает героическую жизнь...

В своих новеллах Ральф Парве с предельным лаконизмом, с убедительной художественной правдой рассказывает нам о подпольной деятельности Кингисепа.

Перед читателем — черта за чертой — возникает кристально чистая и цельная фигура героя.

Мы видим Кингисепа — организатора революционной рабочей демонстрации (новелла «17 декабря 1918 года»), мы видим его в непосредственном, задушевном общении с людьми из народа («Возвращение», «За озером», «Разговаривая из облака»). И, наконец, эта незабываемая фигура во весь рост встает в заключительном рассказе — в новелле «Утро бессмертия». Сам заготовок рассказа выразительно говорит о его содержании.

«Утро бессмертия» — это то трагиче-

Экслибрис работы художника Р. Калль

ское утро, когда, пойманный, наконец, полицейский, бесстрашный подпольщик пал под выстрелами палачей. Он пал с возгласом: «Да здравствует Эстонская Советская Республика!» — пал, чтобы обрести бессмертие в благородной памяти своего народа, в памяти трудящихся всего мира...

Конечно, объемное, полнокровное художественное воплощение такой фигуры, как В. Кингисеп, — еще впереди. Но нам представляется ценной и интересной работа Ральфа Парве. Пусть пока в малой форме, но автор «В подполье» все же художественно убедительно запечатлел драгоценные черты и факты жизни замечательного революционера.

В книге Парве мы находим остроту, запоминающиеся, своеобразные моменты. Волнует, например, рассказ о том, как в поисках партизан Кингисеп был принужден тайно в одном из закоулков огромного концертного зала; уголок, где должен был скрыться Кингисеп, непосредственно примыкал к трубу мощного органа. Труб тысячи — поблизости рев их нестерпим. И вот организатор, зная о присутствии подпольщика, жертвуя своим артистическим самолюбием, умственно «замыкает» наиболее мощный заключительный финал... Вел он думает о человеке, сходящем там наверх, за трубами? («Необычные убежища»).

О неразрывной связи Кингисепа с простыми, «обычными» людьми Эстонии хорошо рассказывает Парве и в «Подслушанном телефонном разговоре».

Следует отметить, что в книге есть слишком тенденциозно звучащие фразы: «Послышался визгливый смех министра», «Премьер-министр подошел к доске. И вдруг на его квадратной челюсти нервно заходила желваки, а глаза налились кровью», «...храбрецы... постепенно разломались, предоставив поблговременному господству в одиночестве палит глаза на людской потоки», «...бородатый верзила... подошел к молодому офицеру, картинно сдвинув на лошади...».

Словом — и в орагах не следует писать лубочно. Тем более, что автор рассказывает «В подполье» располагает средствами гораздо более тонкими и впечатляющими.

Валерия ГЕРАСИМОВА

Голос сердца

Великий русский певец Федор Иванович Шалапин любил рассказывать такой эпизод:

«Еду я тут как-то на извозчике. Разговорился с ним. Он меня вдруг и спрашивает:

— Ты чем занимаешься-то, барин?

— Как чем занимаюсь? — говорю. — Я пою.

А извозчик в ответ: — Так ведь это и я, барин, пою. А работаешь-то ты что?»

Подобный взгляд на искусство, в особенности на искусство так называемого «малого жанра», был весьма распространен у нас до революции. Но он совершенно отсутствует у нашего советского народа.

Этот еще раз было доказано на первом концерте Ива Монтана в Москве, в зале Чайковского. Из Монтан не мог не почувствовать, что от зрителя к нему на сцену несется не только аплодисменты (аплодисменты он слышал ведром), — «весомо и зримо» проявлялась любовь советских людей к артисту, их безмерное уважение к его работе.

В антракте я то и дело слышал слова: — Да, вот это работа!

В стране, в которой труд ценится превыше всего, — это высшая похвала. Из Монтан именно работает, и работает великолепно. Мы, профессионалы, знаем цену этой камушек легкости исполнения, цену бесценности тонким инстинктом, жеста, танца, даже интонации, которыми Из Монтан осязает свои песни. И чем зрительно-слушатель со стороны кажется это проще и легче, тем труднее этого было достигнуть. Наступает момент, когда работа

поднимается на высшую ступень — становится искусством. Но искусство может остаться блестящим только технически, если в него не будет вложено сердце.

Монтан вкладывает в свою технически блестящую работу сердце!

В песнях Ива Монтана множество героев. Отнюдь не случайно, что все эти герои — представители простых людей. Не могло быть иначе: Монтан выбирал их сердцем. Он любит их, и это чувствуется в каждой песне. Он любит солдата, который уходит на войну, девушку, которая вылетает высоко на качелях, шофера, сидящего за рулем тяжелого грузовика, черного мальчишку, нисходящего сапоги белым косяком на Бродвее. Он с нежностью поет о контролерах, проводниках, стрелочниках, машинистах... В этой нежности у артиста есть и маленькая доля юмора, и тонкая, не обаяющая ирония. Даже о пресловутом «стильде» Из Монтан поет, не прибегая к «бичу Ювенала». Чувствуется, что он выводит его за руку на эстраду и говорит: «Ну, хочешь, я покажу, какой ты смешной и глупый? Смотри!»

И показывает — не убывая, а воспеывая замечательным оружием наместника, которым, кстати сказать, великолепно владеет.

В своей книге Из Монтан именует себя артистом эстрады. Он так именовался в начале своего пути. Искусство это носит и на самом деле. Искусство — искусство «малого жанра». Когда-то писатель Всеволод Вишневский в своей статье «Артист-лаботорник» писал: «Нас надо было за высокое отношение к «малым формам». Нас надо было за самое слово «малодармист». Искусство, дорогое искусство коротких ударов,

искусство, типа искусства Домье, — не может так именоваться».

Послушав французского артиста Ива Монтана, хочется подтвердить слова Вс. Вишневского: так это искусство именоваться не может!

Значит ли это, что в исполнении Ива Монтана нет недостатков? Специальный рецензент, несомненно, найдет их. Мне, скажем, не очень понравились некоторые декоративные эффекты, излишняя иногда игра со светом, с тенями... Но какое все это имеет значение? Не важнее ли то, что я, плохо знающий слово на французском языке, понял в исполнении Ива Монтана все — от слова до слова! И, конечно, это произошло не только потому, что певец артист сопровождает тонкой и точной мимикой, выразительнейшими жестами и движениями. Нет, причина прежде всего в огромной внутренней эмоциональной силе и сердечности искусства Монтана, в его удивительной любви к своим героям, которая лишена и тени сентиментальности. Это, если позволите так выразиться, — умная любовь!

Диву даешься, каким надо было обладать вкусом, чтобы, работая в жанре «шансона», не сойти на путь легкого успеха всякого рода «блэзов», «танго» и «медленных фоксов», остаться верным искусству, вызывающему самые благородные чувства.

Говоря об успехе концерта Ива Монтана, нельзя не поблагодарить его чутких помощников — музыкантов инструментального ансамбля, аккомпанирующего артисту.

Из Монтан горячо любит Францию и поет об этой любви. Но он любит ту Францию, которую любил и мы с вами. Он любит Париж и поет об этой любви. Но он любит тот Париж, который любил и мы с вами. В своих песнях он и нена-

СЕМИНАР ДЛЯ МОЛОДЫХ ПРОЗАИКОВ

МИНСК (Наш корр.) В Доме творчества писателей имени Я. Коласа, расположенном в Королинцеве под Минском, собрались на несколько необычный семинар молодые прозаики, чьи первые произведения публиковались в областной и республиканской печати. Среди них — журналист из Гродно В. Быков, учителя из Врестской и Молодечненской областей В. Дайлда и М. Гроднев, техник одного из минских предприятий Ф. Фелосенко, студент Минского медицинского института А. Деландик, журналист из Гомеля М. Лапуста и другие.

Они встречались с литературоведами, критиками. В творческих беседах, сопровождавшихся разбором отдельных произведений молодых авторов, приняли участие многие белорусские писатели. Участники семинара работали над рассказами о современной жизни. Многие из рассказов приняты редакциями белорусских литературных журналов.

Итоги семинара подводились на расширенном заседании президиума Союза писателей Белоруссии. Был отмечен рост молодой белорусской прозы, но вместе с тем назывались и причины, мешающие этому росту: прекратилось издание альманаха «На солнечных тропах», редко выходят альманахи в областях, недостаточен объем единственного в республике молодежного журнала «Малодармист». Комиссия Союза писателей БССР по работе с молодыми авторами не стала пока творческим центром, направляющим деятельность литературных объединений.

Президиум решил провести в ближайшее время такие же творческие семинары молодых поэтов и драматургов.

Издание произведений В. Киршона

Недавно в издательстве «Искусство» вышла книга В. Киршона «Чудесный слух». Написанная более двадцати лет назад и переизданная на Всесоюзном конкурсе пьес в 1934 году, она и сейчас идет с успехом почти в сорока театрах страны.

Произведения В. Киршона готовятся к выпуску и в других издательствах. Комиссия по литературному наследию В. Киршона подготовила к печати и представила Гослитиздату произведения писателя в двух томах. Первый из них включает все драматические произведения, начиная от пьесы «Рельсы гудят», поставленной в начале 1928 года театром имени МГСПС. Следующая за ней — «Город ветров», посвященная судьбе двадцати шести бакинских комиссаров, была высоко оценена в свое время прессой; она переведена на многие иностранные языки, в том числе на японский. Автор использовал ее для либретто оперы «Северный ветер» (музыка Л. Кинипера), поставленной в те годы в Музыкальном театре имени Вл. И. Немировича-Данченко. Спустя два года на сцене Московского Художественного театра и Большого Ленинградского драматического театра была поставлена пьеса «Клеба» — о советской деревне

